

В.С.Савчук, чл.-корр. НАН Украины,
В.Д.Якубенко, канд. экон. наук
Киевский национальный экономический университет

БАЗИСНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ АНАЛИЗА ИХ ПАРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Рассматривается социально-экономическое содержание и роль базисных институтов – собственности, власти, управления, труда в структурообразовании институциональной подсистемы экономики. Особое внимание сосредоточено на характеристике их парных взаимосвязей.

Вся история экономической мысли свидетельствует о наличии разных школ и течений, разных представлений, трактовок и объяснений экономических явлений и процессов. В течение второй половины XX века на "передовые позиции" выходили неоклассики, неокейнсианцы, монетаристы и институционалисты, пытаясь поочередно доказать, что их видение экономической жизни, причин ее "болезней" и, следовательно, рецептов ее лечения является единственно правильным.

Особую интенсивность в последние десятилетия получили исследования влияния институциональных изменений на процессы экономической трансформации¹.

Понятно, что сами институциональные преобразования в исходном пункте детерминированы изменениями роли и взаимосвязей базисных экономических институтов в структурообразовании институциональной подсистемы экономики.

В самом общем определении под базисными экономическими институтами понимаются ограниченные определенными правилами, нормами, рамками особые сферы социальных отношений, принадлежность к которым наделяет экономических субъектов стратифицированным статусом и выступает основанием для получения специфицированных вмененных доходов. И логически, и практически круг базисных экономических институтов ограничивается категориями собственности, власти, управления, труда. В пользу "самодостаточности" четырехэлементного "каркаса" институциональной структуры свидетельствуют следующие соображения.

Аргумент первый логического порядка. Труд, исходный пункт экономического бытия, материализуясь в результате, предполагает присвоение последнего (собственность) с последующей ее реализацией и, прежде всего, по линиям владения и распоряжения. Раздвоение и сосуществование (внутреннее, синкретическое или как отдельные внешние формы) права собственности (титула "голой собственности") и ее неполных форм (владение, пользование) – центральный момент в генезисе власти и управления. "Держание" титула собственности, закрепленное в исключительном первичном праве на

¹ См.: Норм Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997.

объект, конституирует власть – систему отношений экономической зависимости (господства, лидерства, патронажа, влияния), возникает ли она со стороны финансовых групп, монопольных структур, государства или рынка. При этом, когда собственность и распоряжение находятся в состоянии разрыва, экономическую власть генерируют уже два источника – и титул собственности, и распоряжение в функции "держания судьбы вещи". Напротив, та составляющая функции распоряжения, которая связана с распоряжением как командой, по сути, трансформируется в управление и замыкается на труде. Самодостаточность четырех базисных институтов может быть проиллюстрирована следующей схемой (рис. 1).

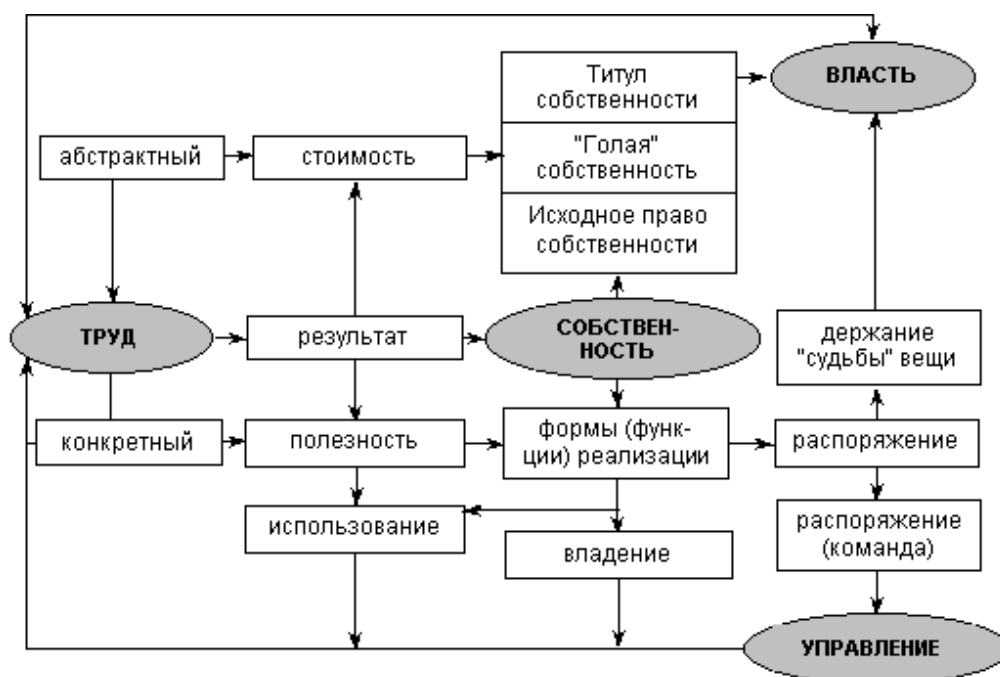

Рисунок 1. Взаимосвязь базисных экономических институтов

Отмеченные в этой схеме элементарные формы рефлексивности и транзитивности связей базисных институтов не должны отменять того, что исторически, логически и практически труд, собственность, власть, управление, генетически составляя органическую целостность, в современных условиях находятся в состоянии разъединенности, обособленности, противоречивости, с тем чтобы развернуть взаимодействие по их более простым составляющим.

В изложенном легко найти второй аргумент в пользу самодостаточности четырехэлементной институциональной структуры – практический. Так, известно, что одним из отличительных признаков современных социально-экономических систем является их тяготение к корпоративным формам организации. Но и организационно, и институционально функционирование корпоративных структур предполагает разрыв и внешнее противостояние четырехбазисных экономических институтов, детерминирующих противоречия корпоративной вертикали, в организационной структуре (на микроуровне) которой институт собственности представлен собранием акционеров, экономической власти – наблюдательным советом (советом директоров), управления – правлением (президентом корпорации), труда – персоналом. Вывод здесь может

быть один: то, что самодостаточно для носителей институциональных отношений, должно быть таковым и для самих институциональных отношений.

Проблема самодостаточности базисных экономических институтов в структурообразовании институциональной подсистемы должна "накладываться" на проблему их разнопорядковости. Если экономика вообще как сфера жизнедеятельности общества и ее экономических субъектов является функциональной, в первую очередь и исключительно потому, что обеспечивает для них определенные средства существования, то каждая из ее подсистем, как и каждый из элементов этих подсистем, должны срабатывать на эту "генеральную" функцию. Относительно собственности, власти, управления, труда указанное подчеркивается исследователями каждый раз, когда последние рассматриваются в институциональном аспекте. Однако если для института труда очевидность представления о нем как о базисном поставщике дохода наделяет его рангом единственного источника, то остальные рассмотренные базисные институты таковыми являются не по рангу источника, а по другим основаниям. Так, если труд – это непосредственно деятельность, то собственность – условие ее осуществления, власть – определение условий деятельности, а управление – организация деятельности. Мы могли бы также отметить, что труд как текущая деятельность, наряду с управлением, всегда рассматривается как процесс, тогда как собственность и власть характеризуются как состояние процесса. Означает ли это разнопорядковость базисных экономических институтов, отрицающую возможность их сведения в единую институциональную структуру? И да, и нет. Здесь уместен аналог с воспроизводящей структурой: при всей разнопорядковости "погруженности" воспроизводящих фаз в наиболее общую – производство, в экономической теории никогда не возникало сомнений по поводу наличия четырехэлементной структуры воспроизводства.

Взаимосвязь труда, собственности, власти, управления (см. рис. 1) образует круг базисных институтов, но не обеспечивает их обращения. И, прежде всего, потому, что собственность здесь представлена только как результат труда, что имеет под собой, скорее, ортодоксально-генетический (труд создает собственность), чем функциональный (собственность – условие труда) взгляд на природу собственности. "Включение" собственности на условии труда в институциональную структуру позволяет трансформировать приведенную выше схему в следующую (рис. 2).

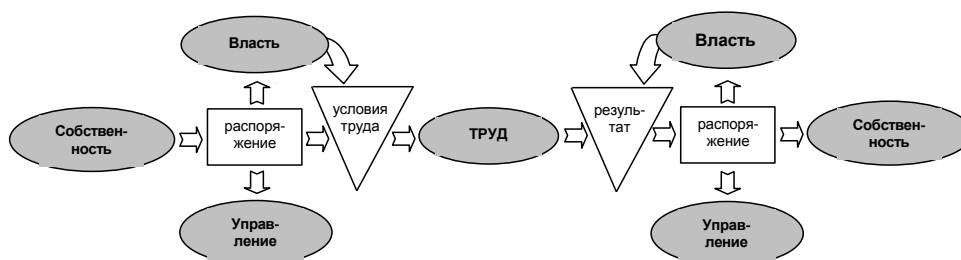

Рисунок 2. Обращение базисных экономических институтов

Как, с точки зрения структуры процесса труда, собственно труд (издержки) и управление трудом (организация ресурсов) является опосредующими звеньями между целеполаганием и присвоением результата, так и в обращении элементов институциональной структуры труд и управление составляют внутренний момент ее движения, получая внешнее оформление в собственности и власти. При этом очевидно, что дальнейшее рассмотрение

обращения базисных экономических институтов аналогично рассмотрению обращения капитала.

При рассмотрении специфики рефлексивных и парных взаимосвязей базисных экономических институтов представляется возможным использование следующей формально-логической схемы (таблица).

Таблица

Направления анализа рефлексивных и парных взаимосвязей базисных экономических институтов

Институт как функция Институт как аргумент	Собственность ($\bar{A}$)	Власть ($\bar{B}$)	Управление ($\bar{C}$)	Труда ($\bar{D}$)
Собственность (A)	$A\bar{A}$	$A\bar{B}$ 1	$A\bar{C}$ 3	$A\bar{D}$ 5
Власть (B)	$B\bar{A}$ 2	$B\bar{B}$	$B\bar{C}$ 7	$B\bar{D}$ 9
Управление (C)	$C\bar{A}$ 4	$C\bar{B}$ 8	$C\bar{C}$	$C\bar{D}$ 11
Труд (D)	$D\bar{A}$ 6	$D\bar{B}$ 10	$D\bar{C}$ 12	$D\bar{D}$

Приведенная таблица не имеет никакой иной цели, кроме удобства формы, и не выполняет никакой иной роли, кроме указания на направление анализа взаимосвязей собственности, власти, управления, труда (соответственно A, B, C, D). Каждый из базисных экономических институтов во взаимосвязях с другими может выступать как исходным, причинным в анализе (аргументом), так и в роли результирующего следствия (функции). Такой подход и в экономико-теоретическом, и в практическом плане существенно расширяет рамки исследования институциональных отношений, снимая ортодоксальность аксиоматичных формул типа: "труд создает собственность". Таким образом, принимая предложенную направленность анализа рефлексивных и парных взаимосвязей базисных экономических институтов, необходимо и достаточно (и математически не в последнюю очередь) осветить специфику каждого из 16 видов связей, формирующих таблицу, включая 4 рефлексивных.

Учитывая, что рефлексивный аспект анализа базисных экономических институтов в единстве их содержания и форм реализации, собственно говоря, совпадает с их анализом на понятийном уровне, характеристику 4 рефлексивных форм институциональных отношений ($A\bar{A}$, $B\bar{B}$, $C\bar{C}$, $D\bar{D}$) достаточно ограничить указанием на специфику их внутренней субъектно-объектной связи.

Если общее содержание рефлексивности целесообразно сводить к состоянию субъектно-объектного единства, то для институциональных отношений это, хоть и не оформленная филологически, но достаточно традиционная в политэкономии проблема самособственности, самовласти, самоуправления, самотруда. Состояние субъектно-объектного единства может быть ограниченным, иметь самостоятельные формы существования, в институциональном смысле предоставляя субъекту особый статус и особые средства существования, а может проявляться непосредственно через процесс реализации единства. Так, собственность может превращать субъекта в рантье или бизнесмена; место во властной иерархии гарантирует особый статус и доходы, преумноженные в случае "применения власти", занятая управленческая должность обуславливает получение уже в минимуме должностного оклада (со знаком плюс при эффективных управленческих действиях); рабочее место, по крайней мере, обеспечивает минимум заработной платы, которая увеличивается трудом до рыночного уровня.

Рефлексивный (на понятийном уровне) аспект рассмотрения функциональной специфики базисных экономических институтов традиционно связывается с анализом их парных взаимосвязей. Поскольку такие взаимосвязи образуют системный круг, причем каждая из сторон институциональной пары

выступает то в роли аргумента, то в роли функции, есть смысл рассматривать их в порядке, предложенном в таблице.

Собственность – власть

Первая из рассматриваемых институциональных пар достаточно прозрачна и легитимна. По существу, речь идет о том, чтобы, удерживая титул собственности, на влиять этой основе на субъектов неполной собственности. Банки делают это на основе кредитного договора, арендодатели – на основе арендного и т. д. В этом смысле там, где экономическая власть опирается на собственность, она выглядит в большей степени традиционной и "справедливой". Изменение собственности с целью удержания или расширения поля власти, "перехват" компаний с целью изменения властных полномочий и структуры власти, собственность, предоставляющая возможность учредителям "снимать" учредительскую прибыль, откровенная покупка властных полномочий и должностей – в принципе, эти или другие примеры свидетельствуют о достаточно полной практической и правовой освоенности пары "собственность – власть". Взаимосвязь "собственность – власть" отражена на рис. 3.

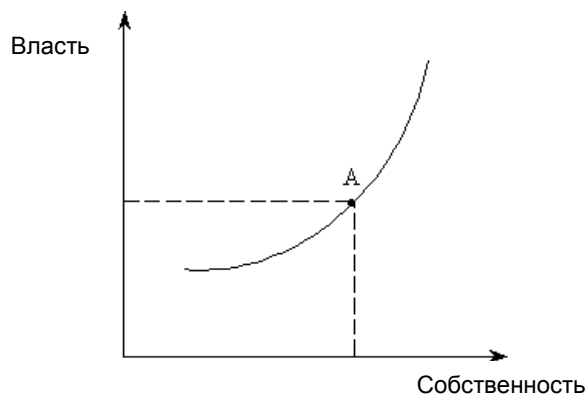

Рисунок 3. Кривая "собственность – власть"

Характеристикой кривой "собственность – власть" является ее наклон, который увеличивается по мере продвижения в северо-восточном направлении. Выскажем здесь предположение "макроэкономического" и "историко-логического" порядка, что именно на стыке единичной нормы (точка А) и происходит трансформация предпринимательского сектора в корпоративный. Малый и средний бизнес, обладая значительным потенциалом собственности, имеют по сравнению с корпоративным сектором значительно меньший потенциал власти.

То же самое происходит и внутри отдельной корпорации. Здесь важно то, что укладывается в объем понятия "корпорация". Среди акционеров – и физических, и, особенно, юридических лиц – наблюдается достаточно широкий "разброс" целей в зависимости от того, персонифицируют ли они корпорацию-предприятие, корпорацию-объект акционерной собственности или корпорацию, рассматриваемую как совокупность "полей влияния". Отличия трех "погруженных" друг в друга типов корпораций заключаются в масштабах "внешних границ", которые определяют, соответственно, объекты управления, собственности и власти.

В случае увеличения масштабов собственности и ее распыления неизбежно усиление доминирующей роли совета директоров, уменьшение влияния акционеров на формирование стратегии и распределение прибылей корпорации. Это сопровождается также уменьшением части собственности, обеспечивающей контрольный пакет акций, при одновременном расширении

поля власти, превращением корпорации-предприятия в корпорацию, рассматриваемую как совокупность полей влияния (финансово-промышленные группы, например).

Власть – собственность

Вторая из парных институциональных взаимосвязей имеет подтекст: "власть – источник собственности". Безусловно, стремление к власти, от политики к психологии предполагает не только экономическую мотивацию – собственность. В пирамиде Маслоу власть на более высоком ценностном уровне (четвертом), чем собственность (по сути, третий уровень). Причина здесь, видимо, в том, что удержание "судьбы вещи", а значит, и заинтересованных в этой части других субъектов – это удержание в своих руках полномочий выбора, проблемы настолько же экономической, насколько и более широкой – социальной.

Здесь можно было бы констатировать, что в рассматриваемом аспекте власть – понятие более широкое, чем собственность, поскольку первая предусматривает возможность выбора, а вторая всего лишь есть его результатом. Это выразительно может быть иллюстрировано на моделях конкурентных и неконкурентных рынков. Отсутствие власти над рынком (чистая конкуренция), немного власти со стороны лидеров (монополистическая конкуренция), власть немногих (олигополия), власть одного (чистая монополия) – эти классические, а также промежуточные формы ограничения свободы рынка властью обуславливают и доминирующий там тип собственности, и степень ее разрыва на "голую собственность" и неполные формы, и прибыли, получаемые на этой основе. Так, в теории ренты "голая" собственность выступает основой абсолютной ренты, а власть как возможность осуществления выбора в пользу тех, "кто больше даст", – основой дифференциальной ренты II.

Формы дифференции II, конечно, далеко не сводятся к вариантам плодородия или местоположения. Для законной власти к ним можно отнести налоги и привилегии, для теневой – подкуп или "услуги" рэкета, для тайной – "лоббирование" и корпоративную принадлежность, то есть большинство тех проявлений, которые современной институциональной теорией "рядятся" в феномен рентоориентированного поведения².

В традициях неоклассики кривая "власть – собственность" (рис. 4) должна характеризоваться, по крайней мере, двумя особенностями. Во-первых, она будет восходящей, что свидетельствует о положительной взаимосвязи власти и собственности. И, во-вторых, по мере продвижения в северо-восточном направлении ее наклон, измеряемый отношением вертикального изменения к горизонтальному, будет уменьшаться так, что после прохождения отметки единичного наклона (точка А) последующее наращивание поля власти должно приводить ко все уменьшаемым приростам собственности.

В корпоративной модели изложенное достаточно четко просматривается во взаимоотношениях наблюдательного совета (советы директоров) и акционерного собрания. Для начального этапа деятельности корпорации (с ограниченным количеством собственников), безусловно, в большой степени срабатывает принцип "незначительная власть обеспечивает большую собственность".

² Так, действия олигархических кланов в Украине, которые наряду с государством выступают носителями экономической власти на национальном уровне, приобрели в последние годы такой размах, что можно констатировать, что с помощью коррумпированной политической власти экономический потенциал был разделен между незначительным количеством лиц, фамилии которых не являются секретом. Для сравнения: государство владеет корпоративными правами общей стоимостью около 26 млрд грн, а стоимость активов самого богатого украинского олигарха уже превышает 10 млрд грн.

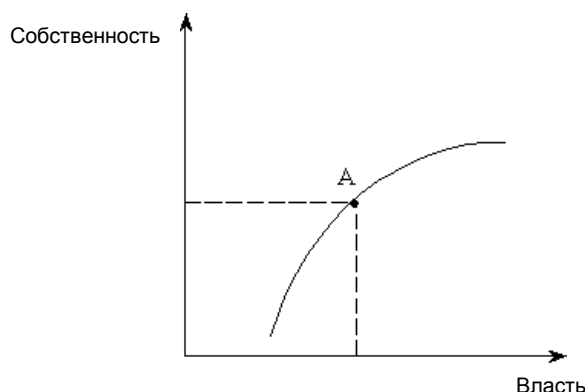

Рисунок 4. Кривая "власть – собственность"

Однако по мере распыления акционерной собственности и уменьшения доли контрольного пакета, развертывания системы участия поле власти начинает развиваться непропорционально интенсивнее по сравнению с масштабами собственности, что не может не приводить к повышению доминирующей роли совета директоров в корпоративной вертикали.

Собственность – управление

Проблему обусловленности управленческих отношений отношениями собственности как в теоретико-экономическом и правовом измерении, так и в большинстве проявлений хозяйственной практики можно отнести к таким, которые лежат на поверхности. Любое вкладывание своей воли в вещь (собственность) предполагает реализацию, организацию результата этого вкладывания (управления). Выведение управления из собственности и правовое закрепление первого за вторым – ключевой момент теории прав собственности.

Несколько иной, более глубокой, выглядит проблема определения возможностей и пределов обособления управления от собственности. Теоретически если возможности такого обособления определяются уровнем концентрации пучка (триады) прав собственности, то пределы – степенью распыления этих прав. При этом, очевидно, следует выделять две формы такого распыления – горизонтальную и вертикальную. Если первая предполагает деление объекта собственности на определенные части, субъект каждой из которых сохраняет все правомочия на нее, то вторая означает деление между субъектами отдельных правомочностей на неделимый объект собственности. С горизонтальной дифференциацией и следует связывать эволюцию отделения функции управления от собственности (рис. 5).

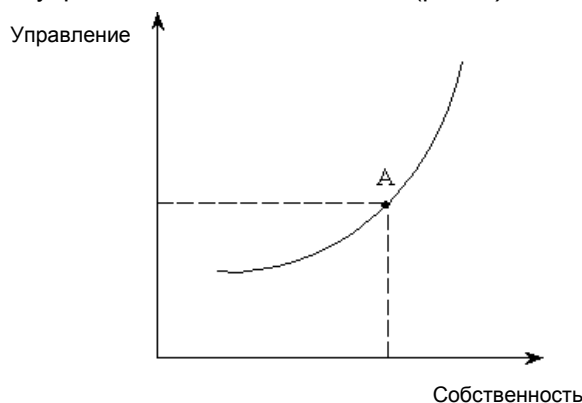

Рисунок 5. Кривая "собственность – управление"

Кривая "собственность – управление", как и кривая "собственность – власть", характеризуется положительной связью рассматриваемых институтов. Она имеет положительный наклон, что свидетельствует о том, что по мере концентрации собственности роль управления ею начинает приобретать все более доминирующее значение. Это логическое предположение со всей очевидностью может быть подтверждено практикой функционирования единых предприятий и корпораций. Собственно, по сравнению с другими противоречиями корпоративной вертикали противоречия между собственностью и управлением являются наиболее показательными и наиболее исследованными институциональной теорией.

Управление – собственность

При рассмотрении взаимоотношений, в которых наблюдается влияние управления на собственность, следует выделить, по крайней мере, два аспекта. Во-первых, поскольку управление является способом, формой, функцией реализации собственности, эффективность этого процесса непосредственно влияет на потенциал собственности. И, во-вторых, управлением в условиях обособления не только преумножается "чужая собственность", им создается (предпринимательская деятельность) и "своя собственность". Это может быть подтверждено Марксовой идеей отделения капитала-собственности от капитала-функции, следствием которого становится легитимация предпринимательского дохода как особого дохода, происхождение которого "вменяется" не собственности, а управлению (предпринимательской деятельности). На указанное, собственно, и опирается теория дифференции II. Кривая "управление – собственность" (рис. 6) – зеркальное отражение кривой "собственность – управление".

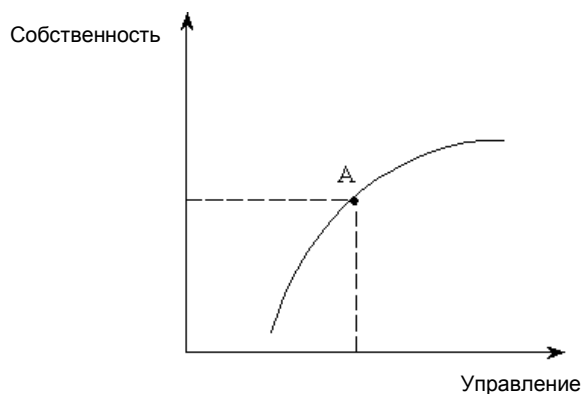

Рисунок 6. Кривая "управление – собственность"

Отмеченную особенность можно интерпретировать таким образом, что интенсивное увеличение "количества" управления (повышение его эффективности) приводит к еще более значительному росту объемов собственности (до точки А). По мере же все большего обособления управления от собственности управленческая деятельность начинает "замыкаться" на собственных целях, непосредственно не связанных с приоритетами наращивания объемов собственности. В корпоративной вертикали это самая противоречивая сторона ее организации³.

³ Для процесса корпоратизации экономики Украины последнего десятилетия показательным то, что государство, которое остается крупнейшим корпоративным собственником, не только не может эффективно управлять своими правами, но даже точно не знает, что ему принадлежит. Так, по состоянию на 1 апреля в 2004 года из 1479 хозяйственных обществ, в которых присутствуют государственные корпоративные права, только в отношении 343 объектов контрольный пакет принадлежит государству. Блокировать нежелательные для себя решения оно может в 583 обществах, где его доля ограничивается пакетом в 25–50% акций. На других 553 предприятиях роль государственного управления можно считать формальной, если не нулевой.

Собственность – труд

Взаимоотношения собственности и труда в политэкономии рассматриваются как лежащие в основании и определяющие исторические типы экономических систем. Собственно, из формулировки противоречий отчужденного труда, капитала и наемного труда и берет свое начало экономическая теория К.Маркса.

В общем трактовании отрыв собственности от труда имеет результатом наложение на "эффект дополнения" (большие объемы собственности нуждаются в больших объемах труда) "эффекта замещения" (увеличение собственности освобождает ее субъектов от непосредственной трудовой деятельности). Приобретение последним доминирующего значения и характеризует кривая "собственность – труд" (рис. 7).

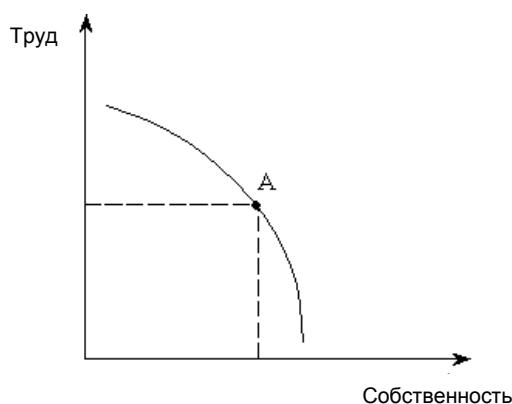

Рисунок 7. Кривая "собственность – труд"

Кривая (см. рис. 7) вогнута по отношению к началу координат и имеет имманентный эффект замещения наклон. Это означает, что рост собственности при незначительных ее объемах сопровождается незначительными возможностями "высвобождения" собственника от непосредственного труда. При увеличении масштабов собственности (после прохождения точки А) возможности высвобождения начинают расти интенсивнее.

Указанное, находясь в соответствии с реальными эволюционными процессами роста масштабов собственности и отделения последней от непосредственного труда, подвергает сомнению возможность "обратного" объединения собственности и труда как на макро- (общественная собственность и труд), так и на микроуровне ("народное предприятие"). Если, конечно, при этом не ставится задача "замещать" теоретические и практические проблемы сугубо идеологическими.

Труд – собственность

Наиболее аксиоматичная формула: "труд – источник собственности и ее приумножения", по сути, положена в основу теории трудовой стоимости. В условиях отрыва труда от собственности эта аксиоматичность уже не выглядит бесспорной, что и становится основанием для формирования двух основных ветвей в экономической теории XIX века – политэкономии марксизма и неоклассики.

Труд, как уже отмечалось (см. рис. 1, 2), может рассматриваться как источник собственности, поскольку продуцирует определенный результат трудовой деятельности, и наоборот, с точки зрения его условий – он вторичен по отношению к собственности. Но так как и сами условия труда в некотором смысле и объеме создаются трудом, с формально-логической стороны труд –

это "двойной" источник собственности. Иными словами, рассмотрение труда как единственного источника собственности определяется возможностями и пределами редукции; сведение условий труда к его результатам – задача, которая лишь в идеологическом измерении может быть решена на стопроцентном уровне. Интерпретация взаимосвязей "труд – собственность" приобретает следующий вид (рис. 8).

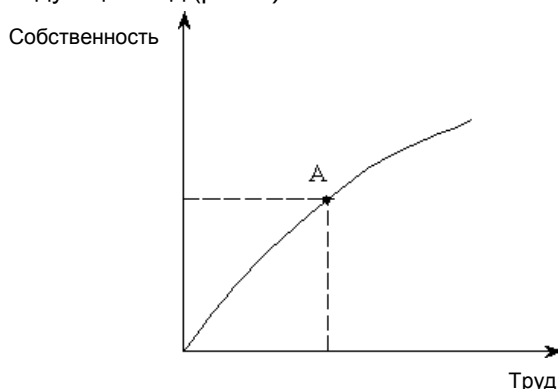

Рисунок 8. Кривая "труд – собственность"

Кривая "труд – собственность", характеризующая зависимость собственности от объемов воплощенного в результате труда, имеет такую особенность: до определенного момента (точка А) наращивание собственности происходит опережающими темпами по отношению к количеству труда. После прохождения точки А эта зависимость имеет меньшее значение.

Власть – управление

Эта институциональная пара, как правило, рассматривается как нечто тождественное. Менеджмент однозначно сводит власть к атрибутивным проявлениям управления, поэтому, когда речь заходит об органах управления или о необходимости "власть применить...", власть всегда оказывается "погруженной" в управление. Во многом подобные представления связаны с тем, что и научный, и практический менеджмент формировался на постулатах докорпоративного предпринимательства, что действительно предполагает единство базисных экономических институтов. В соответствующей современной практике корпоративной модели наблюдается не единство, а разрыв указанных институтов, что и обуславливает представления об обособленности власти и управления в рамках их причинно-следственных взаимосвязей.

В традиционной для менеджмента модели цикла управления: 1) цели → 2) выявление проблем → 3) диагноз → 4) выявление альтернатив → 5) анализ последствий → 6) выбор → 7) программирование → 8) коммуникации и руководство → 9) оценка результатов → 10) наблюдение за тенденциями, пункт 6 цикла "выбор" достаточно рельефно отделяет власть от управления. При этом блоки 1–6 и 10, те, которые согласно И.Ансоффу⁴, формируют "предпринимательский" малый цикл, действительно определяют круг не управленческих, а властных функций

Если к властным функциям относить целеполагание, регламентирование, гарантирование, контроль, то в управлении, как известно, различают функции планирования, организации, стимулирования, учета. Не вызывает сомнений производный от властных характер управленческих функций. Особенно наглядно это прослеживается на примере функций контроля и

⁴ См.: Ансофф И. Стратегическое управление. – М., 1989. – С. 307.

учета. Учет как наблюдение за результатами деятельности, безусловно, является функцией управления. Тогда как контроль как наблюдение за адекватностью деятельности определенному регламенту – всегда сфера власти. Здесь еще раз можно было бы повториться, что власть, которая вытекает из распоряжения как "держание судьбы" объекта, функционально существенно отличается от реализации управленческих функций. Взаимосвязь "власть – управление" имеет следующий вид (рис. 9).

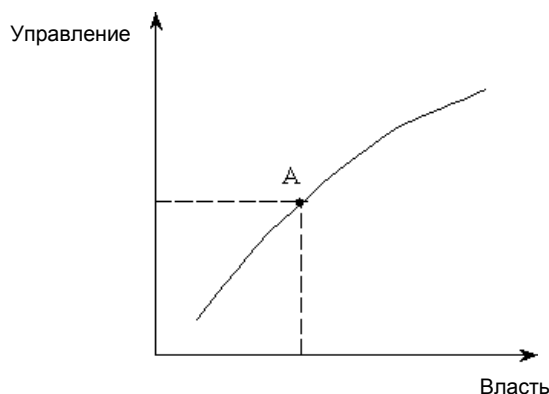

Рисунок 9. Кривая "власть – управление"

Кривая "власть – управление" так же, как и "власть – собственность", имеет уменьшающийся положительный наклон по мере продвижения в северо-восточном направлении. Иными словами, незначительное поле власти, как правило, дополняется более значительными объемами управленческого труда. После прохождения единичной нормы (точка А) ситуация меняется на противоположную. "Низкому креслу" – больше исполнительского, управленческого труда, "высокому" – выполнение собственно властных функций.

Все это особенно заметно проявляется в противоречиях между наблюдательным советом и правлением корпорации. Традиционное для современной корпоративной модели вхождение президента в совет директоров, подчеркнутая значимость роли и "независимость" президента в принятии решений, подкрепляемая идеологией типа "революции руководителей", не отрицает того, что именно за сферой власти, за советом директоров закрепляется "собственность на стратегию" корпорации, включая и возможность, и инструменты воздействия на президента. Даже такой недолгий путь становления корпоративных структур в Украине уже начинает изобиловать примерами "перевода стрелок" от правления к наблюдательному совету. Должности глав правлений еще занимают, в основном, бывшие директора госпредприятий, однако их деятельность уже существенно ограничивается наблюдательными советами.

Управление – власть

Нами уже подчеркивались причины, лежащие у основания традиций отнесения властных отношений к управленческим. Управление может не только осуществляться в целях реализации властных полномочий, но и само выступать источником власти. Это может быть обосновано хотя бы тем, что если держание судьбы вещи есть сфера власти, то реальная доля вещи, безусловно, определяется эффективностью реализуемых управленческих решений. Или, короче, "контролировать можно только то, что учтено".

Замалчивание информации или манипулирование ею, бюрократизация управления, связанная с недостаточной спецификацией и разделенностью властных полномочий и управленческих функций, оппортунистическое поведение субъектов управления, нацеленное на "перехват" власти, реальная

зависимость линейного руководителя от функциональных служб, вызывающая эффект "обратной власти", – все свидетельствует о необходимости учета фактора власти, вытекающего из управления. Взаимосвязь институтов "управление – власть" характеризует рис. 10.

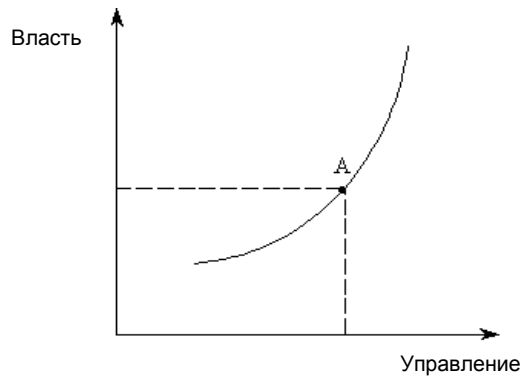

Рисунок 10. Кривая "управление – власть"

Наклоном кривой "управление – власть" отмечена следующая особенность взаимосвязи: по мере роста объемов реализации управленческих функций расширяется и сфера власти, поэтому при достижении равенства их приростов (точка А) дальнейшее генерирование управлением властных полномочий приобретает опережающий характер. Именно в возможности перехвата, подмены управлением властных полномочий следует искать причины постоянного противостояния президента корпорации и совета директоров, проблемы, по сути, центральной для корпоративной модели. Во многом этим можно также объяснить источники транзакционных издержек, тем больших, чем интенсивнее противостояние власти и управления.

Власть – труд

Взаимоотношения "власть – труд" имеют, в основном, опосредованный характер, а потому, в отличие от пар "власть – собственность" и "власть – управление", – намного меньшую плотность. В этом смысле власть по отношению к персоналу, как правило, безлична и имеет форму и силу приказа, кодекса, устава, регламентации организации, "корпоративного духа". И то, что менеджмент обычно относит к мотивированному управлению, включая теории человеческих отношений, по сути, надо рассматривать как варианты властного влияния на персонал. Взаимосвязь институтов "власть – труд" представлена на рис. 11.

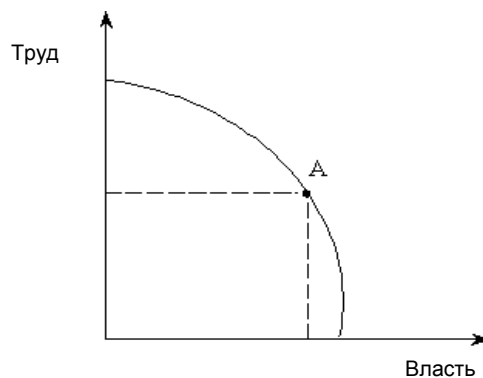

Рисунок 11. Кривая "власть – труд"

Кривая "власть – труд", отражающая эффект замещения, имеет отрицательный наклон и вогнута относительно начала координат. Это свидетельст-

ует о том, что при незначительных объемах власти ее увеличение до единичной нормы (точка А) сопровождается менее интенсивным сокращением исполнительских функций (например, бригадир, заведующий кафедрой и др.), а в дальнейшем – наоборот. При норме замещения выше единицы представления о своей причастности к персоналу "убывают" в большей степени, чем "прибывает" власть. Предельная концентрация власти наделяет ее носителя свойствами "персонифицированной организации", приводит к отождествлению субъекта власти с ее полем – организацией.

Труд – власть

Взаимосвязь институтов "труд – власть" характеризуются двумя особенностями. Во-первых, сфера труда как опосредованный объект властных отношений всегда имеет потенциал "обратной власти" и в этом смысле выступает для власти аргументом. И, во-вторых, поскольку труд, источник собственности, который, раздваиваясь на "голую собственность" и ее неполные формы, в свою очередь, детерминирует властные отношения, его необходимо и возможно рассматривать как начальный пункт власти.

Если первая особенность характеризует пару "труд – власть" в положительном, конструктивном плане – как возможность представительского (например, через профсоюзы) "вхождения" носителей труда в сферу власти (резервирование мест в совете директоров для профсоюзов), то вторая особенность нацеливает, скорее, на построение идеологических конструкций, например, избрание трудовым коллективом руководителя или, более глобально, – реализацию идеи самоуправления. Не случайно эволюция базисных экономических институтов, имея в начальном пункте их единство (из того, что сохранено историей, – малый бизнес, например), привела к их полному разрыву (корпоративная вертикаль), чтобы, выдвигая сегодня лозунг самоуправления, соединять взаимозаменяемое. Характер взаимосвязи "труд – власть" проиллюстрирован на рис. 12.

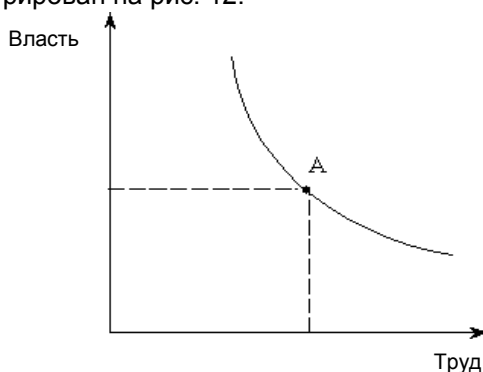

Рисунок 12. Кривая "труд – власть"

Кривая "труд – власть" – это зеркальное отражение кривой "власть – труд". Она имеет отрицательный наклон и является выпуклой относительно начала координат, поэтому по мере продвижения от власти к труду срабатывает принцип "больше труда – меньше власти". С одной стороны, этот принцип можно интерпретировать так: все большая растворенность в совокупном труде, все большая "винтообразность труда" (возможно, большой уровень его "простоты", "абстрактности") делают его менее причастным к организации, а следовательно, снижают (с уменьшающейся нормой замещения) потенциал "обратной власти". С другой стороны, этот принцип можно трактовать и таким образом, что "чем больше делаешь сам, тем меньше возможностей оказывать властное влияние на других". Именно поэтому для руководителя таким актуальным является "сбрасывание", делегирование полномочий и отдельных функций.

Управление – труд

Взаимообусловленность пары "управление – труд" достаточно точно подчеркивается известным образом К.Маркса о скрипаче и оркестре, нуждающемся в дирижере. С отделением института управления от собственности антагонизмы собственности и труда приобретают опосредованный характер и переводятся в плоскость непосредственных отношений носителей управления и труда. Собственно, "практическое освоение" труда управлением и получает теоретическое оформление в эволюции предмета менеджмента.

И исторически, и логически управление, "ответвляясь" от собственности, в исходном пункте (школа научного управления) еще сохраняет (идеологически) за собой основания влияния на труд "от собственности" (команда, авторитарность и т. п.). В классической школе (от А.Файоля) в центр внимания уже ставится непосредственная детерминированность труда управлением, и дальнейшая эволюция теории и практики управления (количественный, бихевиористский, системный подходы) все больше отражает обособление, спецификацию отношений "управление – труд". Характер этих отношений представлен на рис. 13.

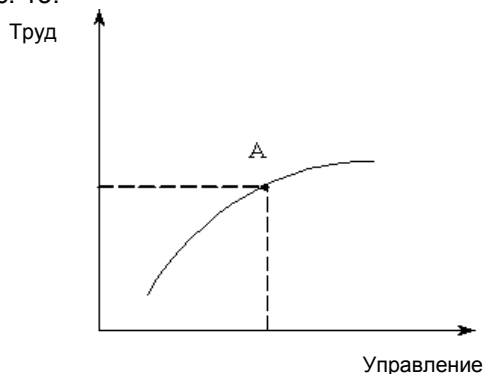

Рисунок 13. Кривая "управление – труд"

Приведенной на графике кривой "управление – труд", которая имеет положительный наклон, при всех других возможностях, следует проиллюстрировать прежде всего то, что начальный рост управленческих усилий в бизнесе (до точки А) "накрывает" значительно большие приросты количества труда. Эффект масштаба превращает эту тенденцию в противоположную. Достаточно легко за счет управленческих инноваций повышать производительность труда на "отдельно взятом малом предприятии", повышение же эффективности управленческих решений в условиях "зрелой корпорации" имеет, по мнению Д.Гелбрейта⁵, значительно меньшее влияние на рост производительности труда в краткосрочном периоде.

Труд – управление

Обособление взаимоотношений "управление – труд" в отдельную от других базисных институтов сферу (как теоретическую, так и практическую) экономического бытия должно рассматриваться и в том аспекте, что труд "вызывает", создает, выступает внутренним, содержательным моментом управления, что, по сути, и фиксируется понятием "самоуправление". С другой стороны, труд как внешний относительно управления институт следует воспринимать как оказывающий на управление обратное влияние (например, влияние неформальной структуры организации на формальную с множеством хрестоматийных для менеджмента вариаций). Влияние института труда на управление представлено на рис. 14.

⁵ См.: Гелбрейт Д. Новое индустриальное общество. – М., 1969. – С. 84, 115.

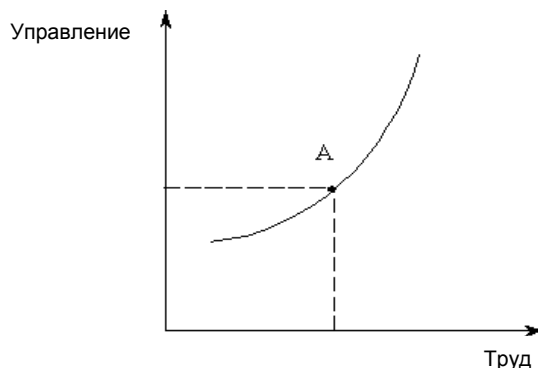

Рисунок 14. Кривая "труд – управление"

Ясно, что в данном контексте рассмотрения кривая "труд – управление" имеет положительный наклон, причем для начального этапа бизнеса (до точки А) труд в большей степени использует "внутренний управленческий потенциал" с тем, чтобы при последующем росте "эффекта масштаба труда" каждый шаг в достижении этого эффекта доставался бы увеличенными усилиями управленческой деятельности.

Подытоживая рассмотрение специфики взаимосвязей базисных экономических институтов (см. таблицу, рис. 3–14), необходимо сделать ряд замечаний.

Во-первых, возникает необходимость опять-таки подчеркнуть специфичность анализа свойств, рефлексивности, парности и множественности связей институтов собственности, власти, управления, труда, которые составляют "каркас" институциональной подсистемы экономики.

Во-вторых, в рефлексивном анализе базисных экономических институтов в центр внимания следует ставить не взаимообусловленность (что является предметом анализа парных взаимосвязей собственности, власти, управления, труда), а внутреннее противостояние их свойств в рамках целостности отдельного: собственности ("голая собственность" – формы ее реализации), власти (ее титул – формы господства), управления (должность – функции управления), труда (абстрактный – конкретный труд). В этом плане рефлексивный анализ базисных экономических институтов, по сути, совпадает с их анализом на понятийном уровне.

В-третьих, рассмотрение парных взаимосвязей базисных экономических институтов в рамках предмета труда (см. рис. 3–14) может иметь только постановочный характер. С одной стороны, уже этого, на наш взгляд, достаточно для существенного расширения круга проблем, которые должны включаться в объект экономико-теоретических исследований. С другой стороны, понятной в изложении специфики парных институциональных связей является его (изложения) ограниченность, "зацикленность" только на определенном (из множества других) контексте интерпретации этих связей с позиций теории зрелой корпорации.

В-четвертых, множественность связей базисных экономических институтов приобретает в количественном измерении настолько факториальный характер, что не может не переводить политэкономический анализ в плоскость математического моделирования.

В-пятых, при всех возможных рефлексивных, парных, множественных вариантах взаимосвязей базисных экономических институтов главной должна оставаться проблема даже не столько "подсистемных отношений" институционального "каркаса", сколько вопросы "вхождения", нахождения места и роли институциональной подсистемы в экономической системе.